

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-254-268>

Научная статья / Research article

Евразийцы о роли православия и церкви в национально-государственном развитии России

С.В. Базавлук

Российский университет дружбы народов; 117198, Россия,
Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; bazavluk-sv@rudn.ru

Eurasianists on the Role of Orthodoxy and the Church in the National State Development of Russia

Sergey V. Bazavluk

RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia;
bazavluk-sv@rudn.ru

Аннотация: В статье рассматриваются идейные воззрения группы русских мигрантов первой волны, известных как евразийцы. Изучаются их представления о роли православия и церкви в национально-государственном развитии России. На примере различных по своему содержанию работ Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Н.Н. Алексеева, Л.Н. Карсавина и др. рассматриваются основополагающие элементы классической евразийской программы. С целью выявления идейных истоков взглядов евразийцев на церковь и государство автор останавливается на воззрениях их предшественников – славянофилов и почвенников. В статье рассматривается отношение евразийцев к национальной культуре, их понимание дихотомии Россия – Запад. Особое внимание уделяется евразийской интерпретации роли церкви и веры в истории российского государства. Автор выявляет не только факторы актуализации проблемы православия в теоретических исканиях эмигрантов, но и противоречивый характер евразийского проекта религиозного возрождения России как средства преодоления большевистского «безбожного государства». Подчеркивается, что культурный релятивизм, критика западных философских и политических школ и пр. являются теми маркерами евразийства, которые до сих пор привлекают внимание к их наследию, в том числе в контексте современной евразийской интеграции (ЕАЭС), современной роли Русской православной церкви. Само обращение к проблеме восприятия патриотически настроенной частью интеллигенции роли православия представляет собой актуальную научную задачу, необходимую для осмысления развития не только российского государства, но и современных международных отношений.

Ключевые слова: евразийство, церковь, Россия, государство, Российская империя, православие, Европа, Евразия, международные отношения

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00165).

Для цитирования: Базавлук С.В. Евразийцы о роли православия и церкви в национально-государственном развитии России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 254–268. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-254-268>

© Базавлук С.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract: The author analyzes the ideological views of a group of Russian migrants of the first wave, known as Eurasianists, including N.S. Trubetskoy, P.N. Savitsky, N.N. Alekseeva, L.N. Karsavina and others. The author discusses fundamental elements of the classical Eurasianist program, such as the role of the Orthodox Church and the state in the life of Russia and its society, their attitude to Roman Catholic culture, and their place in dialogue with other religions. In addition, other important elements of Eurasianism noted here are the ideas of pan-Eurasian nationalism, ideocracy, the spatial borders of Russia-Eurasia, the symphonic personality, a guarantee state. These issues are associated directly with the authors of these concepts and with Eurasianism in general. The author demonstrates the continuity with the teachings of the Slavophiles and highlights the special attention that the Eurasians paid to the traditional cultures of Russia. Also noted is the interest in Eurasianism of church circles in exile in Europe. At the same time, the Eurasianists' critical views on the "Petersburg period" in the history of the Russian church are highlighted, which are also implicit in Eurasianism as an independent ideological and philosophical line of thought of Russian emigration in the first half of the twentieth century. An attempt is made to show how, through conservative thought, Eurasians tried to form a new type of political identity. This ideological direction with an emphasis on spirituality and special institutions was considered by Eurasians as a prototype of the future statehood of Russia as opposed to the Soviet-Marxist system. In the context of the contemporary Eurasian integration (EAEU), of the current role of the Russian Orthodox Church and external political manipulations around the role of the Moscow Patriarchate, the theoretical views of the Eurasians take on a new dimension.

Keywords: Eurasianism, Church, Russia, state, Russian Empire, Orthodoxy, Europe, Eurasia, international relations

Funding: The research was carried out with support of the Russian Science Foundation (project № 19-18-00165).

For citation: Bazavluk, Sergey V. "Eurasianists on the Role of Orthodoxy and the Church in the National-State Development of Russia," *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (February 2020): 254–268. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-254-268>

Введение

Тема евразийства была и остается предметом широких дискуссий в отечественной и зарубежной литературе. Зародившись в среде русских иммигрантов в начале XX в., евразийство как идеологическое направление, было продолжено в трудах Л.Н. Гумилева, который формулирует идеи евразийской пассионарности и этногенеза¹. Исследователь и теоретик современного неоевразийства А.Г. Дугин в своих трудах подчеркивает миссию России как геополитического образования, выражающего интересы всего континента. В этом он солидаризуется со своим предшественниками, которые писали «Россия-Евразия», имея в виду геополитический подтекст данного определения².

В работах ряда отечественных авторов евразийство изучается через призму истории российской государственности, современных международных реалий и геополитики³.

¹ Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М., 2007; Гумилев Л.Н. Евразия. М., 2018.

² Дугин А.Г. Евразийский путь как национальная идея. М., 2002; Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М., 2002; Дугин А.Г. Проект «Евразия». М., 2004; Дугин А.Г. Евразийский реванш России. М., 2014.

³ Данилов С.И. Социальная философия евразийства: истоки, сущность, современное состояние. М., 1994; Гавриш М.А. Политическая трансформация современного российского евразийства. Ростов-на-Дону, 2003; Курьлев К.П., Станис Д.В., Баранник М.А., Закарян С.Б. Евразийская идеология во внешней политике современной России // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2019.

Среди зарубежных исследователей, обращавшихся к теме евразийства в контексте изучения отношений России и Европы, необходимо отметить Э. Каррер д'Анкосс⁴, Дж. Вакима⁵, М. Ларюэль⁶, М.-П. Рей⁷, Ж. Парвулеско⁸, П. Серию⁹, Э. Уолберга¹⁰ и др. Их труды носят в основном историко-философский характер с акцентом на геополитическое противостояние России и Запада.

Любопытную трактовку деятельности евразийцев дает французский исследователь Патрик Серию, который замечает, что «евразийцы не были сектой фанатиков. В отличие от большинства других эмигрантских движений евразийскую теорию разрабатывали настоящие ученые: этнографы, лингвисты, историки, географы, философы, теологи, юристы. Все они были интеллектуалами, известными и признанными специалистами в своих областях; порой они, казалось, были «не от мира сего», но они никогда не были шарлатанами. Все они были образованы и знали из первых рук западную литературу – как научную, так и философскую. Они были чужды фундаментализму, не пытались цепляться за догматы. Напротив, все они высоко ценили научный поиск и научное открытие»¹¹.

Следует заметить, что, несмотря на обилие работ, посвященных классическому евразийству, его религиозно-государственный контекст не привлекал специальное внимание исследователей. Обращение же к присущим ему элементам религиозного догматизма позволит проследить за становлением и последующим развитием учения евразийцев. Кроме того, евразийские интерпретации роли православия в прошлом и настоящем российского государства раскрывают одну из граней теоретических исканий российской интеллигенции.

Один из лидеров движения П.Н. Савицкий, характеризуя евразийство, утверждал, что это «есть не только система историсофских или иных теоретических суждений, ... оно стремится сочетать мысль с действием и в своем пределе приводит к утверждению, наряду с системой теоретических воззрений, определенной методологии действия»¹².

№ 4. С. 151–165; *Курьлев К.П., Базавлук С.В., Савин Л.В., Юртаев В.И.* Евразия и евразийство в XXI веке: безопасность, идентичность и культура альянсов // Информационные войны. 2019. № 3. С. 47–51; *Самохин А.В.* Евразийство как идейно-политическое течение в России XX века. М., 2004; *Сачко Г.* Евразийство и концепция внешней политики современной России // Вестник Челябинского университета. 2003. Т. 10. № 1. С. 46–55. *Tsygankov A.* Mastering space in Eurasia: Russian geopolitical thinking after the Soviet break-up (Review essay) // *Communist and Post-Communist Studies*. 2003. Vol. 35. № 1. P. 45–55.

⁴ *Каррер д'Анкосс Э.* Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М., 2010.

⁵ *Wakim J.* Eurasia Vs the West. The Struggle for Hegemony in the Middle East. Beirut, 2018.

⁶ *Ларюэль М.* Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004; *Laruelle M.* Moscow's China dilemma: evolving perceptions of Russian security in Eurasia and Asia // *Eurasia's Ascent in Energy and Geopolitics. Rivalry or partnership for China, Russia, and Central Asia?* London., 2012, P. 76–91; *Laruelle M.* The European Union // *A Reconnecting Eurasia. Center for Strategic and International Studies. Foreign Economic and Security Interests.* London, 2016. P. 10–15.

⁷ *Rey M.-P.* La Russie face à l'Europe. Paris, 2016.

⁸ *Парвулеско Ж.* Путин и Евразийская империя. М., 2006.

⁹ *Серию П.* Структура и целостность. М., 2001.

¹⁰ *Walberg E.* Postmodern Imperialism. Geopolitics and the Great Games. Atlanta, 2011.

¹¹ *Серию П.* Структура и целостность. М., 2001. С. 60.

¹² *Савицкий П.* Континент Евразия. М., 1997. С. 93.

В современных исследованиях отмечаются, прежде всего, геополитические и идеологические аспекты учения евразийцев, позволяющие противопоставлять его западноевропейской традиции. При этом зачастую из виду упускается его религиозная компонента, представляющая на деле одну из основ евразийства. Русский мир воспринимался евразийцами как православная экосистема, а Россия-Евразия – как симбиоз не только тюркских и славянских народов, но и всех исторических религиозных воззрений, распространившихся на этом пространстве. Большинство представителей евразийского движения являлись православными христианами (известны также работы калмыка и буддиста Э. Хара-Давана, еврея Я.А. Бромберга), что накладывало определенный отпечаток на саму мировоззренческую программу мыслителей, которая была представлена в их многочисленных письмах и публикациях.

От других течений русской эмиграции евразийство отличалось своеобразным, междисциплинарным по своей сути, исследовательским подходом, широтой взглядов и патриотическими настроениями. Несмотря на неприятие советской власти, евразийцы не использовали в противостоянии с ней пропагандистские клише. Их критика была направлена против идеологии большевизма, носившей, по их мнению, антидуховный, ярко выраженный материалистический характер. Кроме того, евразийцы позиционировали себя не только как теоретики, но и претендовали на роль политических практиков, создавая ячейки своего движения в различных городах Европы и устанавливая связи с другими эмигрантскими структурами.

Главная идея евразийцев, по выражению П.Н. Савицкого, заключалась в том, что они давали «новое географическое и историческое понимание России и всего того мира, который они именуют российским или «евразийским». Они считали себя «обоснователями в русской науке геополитического подхода к русской истории»¹³.

Церковь и государство в воззрениях идейных предшественников евразийцев

К идейным предшественникам евразийцев, хотя и с оговорками, можно отнести славянофилов и почвенников¹⁴. Именно в их воззрениях особое место занимала проблема взаимоотношения церкви и государства.

Славянофилы еще до евразийцев говорили об особом пути развития Руси-России, важности православия (в качестве антипода католичества и протестантизма) в русской истории и культуре, а также о существовании отдельной русской цивилизации со своими характеристиками и маркерами. Почвенничество являлось духовно близким к славянофильству течением, а его представители (Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов и др.) обосновывали возможность сближения на религиозно-этической основе интеллигенции и некоторых сословий общества с народными массами. Их отличала также критика либерализма и космополитизма западничества.

¹³ Савицкий П. *Континент Евразия*. М., 1997. С. 81, 126.

¹⁴ Федоров А.И. Истоки евразийской идеологии в русском славянофильстве // *Вестник Тамбовского Университета*. 2010. № 7. С. 158–160; Соболев А.В. Евразийство в контексте почвеннической традиции // *Вестник РГХА*. 2007. № 1. С. 130–142.

Таким образом, у евразийства существовали идейные истоки, но его интеллектуальное оформление проходило в новых исторических условиях, к тому же за пределами России, что наложило отпечаток на его духовные искания.

В отличие от мыслителей пореформенной эпохи (Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева и др.), возлагавших свои надежды на самодержавное государство, евразийцы исходили из признания того факта, что старая Россия потерпела крах и стала достоянием истории. По их мнению, «Первая мировая война и русская революция открыли качественно новую эпоху в истории страны, характеризующуюся не только крушением России, но и всеобъемлющим кризисом полностью исчерпавшего свои потенции Запада, который стал началом его разложения»¹⁵.

Заслуживают внимание и их рассуждения о грядущем упадке коммунистической идеологии, о неизбежности возвращения к традиционному мировоззрению народов России.

В резолюции евразийской организации 1936 г. было подчеркнуто: «...Фактор, благоприятный для утверждения евразийских воззрений на советской почве заключается в назревающей в СССР потребности примирить революцию с традицией. В области исторических воззрений шаги к такому примирению уже сделаны. Евразийство, издавна поставившее такое примирение своей задачей, полностью отдает себе отчет в значении этих шагов... Евразийская идея, как установка на самобытность «особого мира» России-СССР, во всей совокупности его традиций и заданий, способна оплодотворить любую отрасль культурной работы, вложить в нее новую жизнь. Ни куцый «европеизм», ни выдохшийся коммунизм не в силах выполнить эту роль. Только евразийство, как новое, небывалое понимание всего окружающего мира и роли России-Евразии в нем, может способствовать созданию своеобразных полноценных искусства и науки евразийских народов»¹⁶.

Факторы актуализации проблемы православия в теоретических исканиях эмигрантов

В центре размышлений евразийцев о судьбах России было «Православие»¹⁷. Так, П.П. Сувчинский считал, что в будущем «умудренный и успокоенный народ и прозревшая интеллигенция примиренно объединятся под одним великим и всеразрешающим куполом Православной Церкви»¹⁸. В данном высказывании отразилось идеалистическое восприятие евразийцами будущей роли православия.

Н.С. Трубецкой рассматривал православие в качестве одного из фундаментальных императивов евразийской идеи. В письме П.П. Сувчинскому он в качестве элементов евразийской программы поставил следующие, по его мнению, вполне реальные практические задачи:

¹⁵ Гаджиев К.С. Введение в геополитику, Москва, 2000.

¹⁶ Резолюция 4–6. IX. 1936 // Евразийская хроника. Выпуск XII. Берлин. 1937. С. 5–9.

¹⁷ Половинкин С.М. Евразийство и русская эмиграция // Н.С. Трубецкой История. Культура. Язык. М., 1995. С. 731–762.

¹⁸ Сувчинский П.П. Сила слабых // Исход к Востоку: предчувствия и свершения. София, 1921. С. 8.

«1. В области внешней:

А) Активная оборона Православия против происков латинства, деятельный отпор всякой католической и униатской проповеди.

Б) Деятельное стремление к воссозданию единства русской Церкви, к сближению со старообрядцами.

2. В области внутренней:

А) Распространение в кругах верующей интеллигенции православных богословских знаний.

Б) Привлечение верующей интеллигенции к строгому исполнению церковных обрядов, внедрив в умы подлинно церковное отношение к обряду, свободное как от вульгарного суеверия, так и от протестантского легкомыслия»¹⁹.

П.Н. Савицкий без всяких оговорок считал православие подлинной идеологией евразийства²⁰. При этом ее корни он находил в психологии народов, населявших Евразию. По его мнению, естественные условия равнинной Евразии, ее почва и особенно степная полоса, определившие хозяйственно-социальные процессы, связанные как с кочевыми, так и оседлыми традициями и культурами, напрямую связаны с евразийским психическим укладом. Его основные черты – осознание органичности социально-политической жизни и связи ее с природой, «материковый» размах, «русская широта», национальное самосознание, уходящее в безграничность»²¹.

По мнению П.Н. Савицкого, «евразийцы суть одновременно отстаиватели религиозного начала и последовательные эмпирики», которые «не боятся противоречий...», «живут в противопоставлениях»; «в своей системе ... совмещают традицию и революцию»²².

Использование П.Н. Савицким таких речевых оборотов, как «факты-пророчества» или «соборная евразийская мысль»²³, свидетельствуют о применении евразийцами и характерного богословского языка, который они внедряли в свою методологию.

Одним из представителей евразийского движения был правовед Н.Н. Алексеев, который в своих работах нередко цитировал труды известных религиозных деятелей (например, старообрядческого публициста Ф.Е. Мельникова), а также святоотеческую литературу. В своей работе «Духовные предпосылки евразийской культуры» Н.Н. Алексеев так характеризовал предназначение евразийской идеологии: «Евразийство хочет преодолеть Запад не извне, не изнутри – из самого духа Запада, который стал ныне для евразийского человека собственным и своим... От того задача евразийства становится не только национальной, но и вселенской: русский народ должен в себе и через себя преодолеть западного человека, который распространил свою культуру на весь мир»²⁴.

По мнению Н. Алексеева, современные ему правовые теории имели западноевропейское происхождение, поэтому необходимо было выработать собствен-

¹⁹ Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому 1921–1928. М., 2008. С. 81–82.

²⁰ Савицкий П. Евразийство (опыт систематического изложения). Континент Евразия. М., 1997. С. 27.

²¹ Савицкий П. Континент Евразия... С. 42.

²² Там же. С. 93, 98.

²³ Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства. Статьи и письма. М., 2018. С. 526, 541.

²⁴ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 144.

ную философскую правовую школу, укорененную в традиционном укладе общества. Он считал, что будущее принадлежит православному правовому государству, которое сумеет сочетать твердую власть (начало диктатуры) с народоправством (начало вольницы) и со служением социальной правде²⁵.

В одной из программных статей «О гарантийном государстве» он выдвигает довольно актуальную на тот момент концепцию, отмечая, что государство именуется гарантийным потому, что обеспечивает осуществление некоторых постоянных целей и задач. Это государство с положительной миссией²⁶. В таком подходе есть нечто общее с догматическим богословием Восточной церкви, поскольку даже социальные вопросы трактуются там с позиции вечных ценностей.

Исследователи общественно-политических взглядов Н.Н. Алексеева отмечают также, что в своей концепции правового государства он «выявляет опасные тенденции в общественной и политической жизни государства, предостерегая от понимания права как единственного регулятора общественных и политических отношений»²⁷. При этом, несмотря на то, что теория государства и права Н.Н. Алексеева «носит во многом незавершенный характер, ряд ее положений отличается умозрительностью», и в целом, она «может с полным основанием считаться одним из наиболее значительных достижений русской эмигрантской юриспруденции XX века»²⁸.

Оживленную дискуссию не только в эмигрантских кругах, но и внутри евразийского движения вызвала программная статья «Церковь, личность и государство», подготовленная одним из виднейших его идеологов Л.П. Карсавиным. Опубликованная в 1927 г., когда методология евразийства еще не была всесторонне разработана и многие теоретические модели носили полемический характер, статья привлекла к себе внимание и вызвала оживленную дискуссию. Приход известного философа и специалиста по истории Восточной церкви Л.П. Карсавина в евразийство усилил роль религиозной тематики в евразийском учении. С другой стороны, именно под его влиянием у мыслителя «отчетливо формируется, звучавшее до этого приглушенно, представление о соборной личности и интерес к политической борьбе, которая служит средством для достижения, говоря термином византийских канонистов, симфонии как идеально согласованных действий церкви и государства»²⁹.

Для Л.П. Карсавина евразийство – учение о симфонической личности, о симфоническом единстве культур, где происходят процессы сложного взаимодействия, результатом которого бывает образование новой культурной единицы³⁰.

²⁵ *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 1998. С. 116.

²⁶ Там же. С. 372.

²⁷ *Глушкова С.И.* Правовой идеал Н.Н. Алексеева // *София: Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии.* 2001. № 2–3. С. 63.

²⁸ *Томсинов В.А.* Правовая мысль русской послереволюционной эмиграции: «Евразийская» теория государства и права Н.Н. Алексеева // *Журнал «Законодательство».* 2002. № 3. С. 84–88.

²⁹ *Повилайтис В.* Неизвестные статьи Л.П. Карсавина // *Исследования по истории русской мысли: ежегодник.* 2003. № 6. С. 165–166.

³⁰ *Ермишина К.Б.* Н.С. Трубецкой и его роль в евразийском движении // *Н.С. Трубецкой. Письма к П.П. Сувчинскому 1921–1928.* М., 2008. С. 9.

По мнению С.С. Хоружего, «делаясь обоснованием евразийства, учение Карсавина о тварном мире совершает и само некоторое развитие – а пожалуй, и сдвиг, кое-что воспринимая от обосновываемого. Именно на данном этапе оно принимает форму учения о симфонической личности»³¹.

Евразийцы о роли церкви и веры в истории российского государства

Евразиец и богослов Г.В. Флоровский, обращаясь к учению славянофилов с их традиционным противопоставлением России и Европы как антитезы творческой свободы и принуждающей власти, разума и любви предпринимает попытки вывести некую формулу органической жизни, сочетающей и уравнивающей светские и духовные власти³². Мыслитель писал, что «западной теократии и культу государственного начала они (славянофилы – С.Б.) противопоставляли свое учение о Церкви и свой «сельский коммунизм», свое учение об общине», предлагавшее ее рассматривать в качестве формы «социального бытия, которое получается в результате приложения начал православной церковности к вопросу общественных взаимоотношений»³³.

В данной модели нет обязательного принуждения, но гармонизация отношений создается через следование некой идее и высшей задаче. Г.В. Флоровский, обращаясь к опыту истории России, подчеркивал значение Церкви в жизни общества и государства, указывая, что она является единством Божией благодати.

С другой стороны, Г.В. Флоровский отмечал некую неприязнь русского народа по отношению к власти – вначале она передается в руки варяг и представителей других народов, а затем – входит в систему самодержавия.

На основе критики Н.С. Трубецким западноевропейской философии и правовых школ Г.В. Флоровский создает новую дихотомию, построенную на противопоставлении антропологического национализма (Европа) и этического национализма (славянофилы и евразийцы). И, наконец, упоминая идеалистические конструкции Ф.М. Достоевского о всечеловечной и всеобъединяющей русской душе, мыслитель приходит к выводу о том, что теоретические воззрения евразийцев в чем-то сродни утопическим идеалам христианства.

Как и многие верующие люди эпохи первой половины XX в., Г.В. Флоровский призывал каяться и молиться, дабы обрести благодатное прощение свыше. В своих работах он противопоставлял рационализм, воплощением которого был Запад, интуитивно-мистическому подходу к пониманию мира, присущему русской культуре и проявлявшемуся в государственном строительстве.

В статье с красноречивым названием «Человеческая мудрость и премудрость Божья», критикуя позитивизм и марксизм, Г.В. Флоровский утверждал, что «единственный путь истинного ведения – это путь христианского подвижничества»³⁴.

³¹ Хоружий С.С. Жизнь и учение Л.П. Карсавина // Л.П. Карсавин Религиозно-философские сочинения. М., 1992. С. 45.

³² Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 31–51.

³³ Там же. С. 39.

³⁴ Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 85.

Евразийцы, в отличие от представителей других интеллектуальных групп русской эмиграции, не испытывали особой ностальгии по имперскому периоду России и нередко использовали ревизионистский метод. Такой подход применялся и Г.В. Флоровским при историческом анализе взаимоотношений государства и церковных институтов в истории России.

Он указывал, что «грех петербургской России – в том искажении культурно-религиозной перспективы, которым поражено было общее умонастроение: в утрате живого ощущения святости и самодовлеющей значимости церкви, не имущей ни пятна, ни порока, – в психологическом подчинении учительной и пастырской деятельности церковной – целям здешним, целям устройства земного благополучия и благоденствия»³⁵.

Г. Флоровский считал, что петербургский период имел ярко выраженный ненациональный характер, и эта искусственная формация была обречена на распад, который пришел с революцией. Но в этой трагической свободе он видел и позитивные моменты, считая, что «в судорожном водовороте революционного процесса незаметно совершился великий сдвиг: восстановился патриарший престол Московский и Всея Руси и возродилось соборное начало в поместной Церкви российской»³⁶. Это событие он рассматривал в более широких рамках, чем публичное и каноническое право.

Проблему петербургского периода Г.В. Флоровский находил в том, что «государственной волей поместная церковь была “превращена” в “ведомство православного исповедания”, включенное в общую систему мирского административного механизма...». Свою же творческую задачу евразийцы видели «в строительстве религиозной культуры на твердой почве церковности православной и в неуклонном следовании преданным заветам отеческим»³⁷.

Критика отношения российского государства к религии представляется вполне справедливой, учитывая исторический факт церковного раскола XVII в., репрессии против старообрядцев и дисциплинарные функции официальной церкви во главе с Синодом.

Но вопреки всему, по мнению Я.А. Бромберга, «православно-верующий христианин ощущает... непоколебленное православие России как явленную ей великую милость Божию», поскольку православная церковь оставалась единственной «вселенской христианской церковью, которой дано было уберечься от соблазна, которому издревле подпала церковь римская и от которого не свободны отколовшиеся от нее церкви Запада»³⁸.

У Я. Бромберга мы находим критику феномена секуляризации государства эпохи модерна, с которой столкнулись в начале XX в. как страны Западной Европы, так и Российская империя. Он отмечал не только конституционно-правовые положения, базировавшиеся на идеях светскости и демократии, но и тот факт, что из теоретического и идеального понятия государства были выброшены ценности

³⁵ Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 159.

³⁶ Там же. С. 161.

³⁷ Там же.

³⁸ Бромберг Я. Евреи и Евразия. М., 2002. С. 25.

и представления, выходящие за рамки приземленной сферы и обывательской повседневности, и являвшиеся неотъемлемой частью гражданских свобод, например, свобода совести.

Хотя Я. Бромберг соглашался с рядом тенденций, которые были направлены на утилитарное понимание справедливости, тем не менее, он признавал, что государство в «эсхатологических чаяниях своего грядущего мирового призвания упирается в область метаисторического и металогического»³⁹. В итоге рациональные начала политических основ государства он называл не иначе как лжеидеалом.

Эти идеи были высказаны Я. Бромбергом в период, когда духовенство Русской православной церкви подвергалось репрессиям со стороны советского государства. Именно поэтому, полагал он, Православная церковь «сознательностью своего подвига и кровью своих мучеников в меру человеческого несовершенства являет собою живое олицетворение завета Нагорной проповеди о накоплении сокровищ небесных». Он признавал, что «огромный нравственный авторитет и духовное влияние» Церкви «в грядущей России не только на умы простолюдинов, но и на обширные круги правящего и представительствующего слоя страны не может подлежать никакому сомнению»⁴⁰.

Учитывая последующие исторические события (восстановление института патриаршества в 1943 г., рост авторитета Русской православной церкви после распада СССР), можно заключить, что мысли, высказанные одним из представителей евразийского движения, явились своего рода предсказанием, свидетельствующим о теоретической глубине и практической ценности умозрительных заключений евразийцев.

Я. Бромберг также указывал, что «евразийство своей общей концепцией государства как носителя, выразителя и охранителя начал некоей соборной, личностно-окачествованной духовности определенного, в идеале отчетливо очерченного религиозно-культурного и географического мира представляет максимум благоприятных условий для истинно великого, духовно-творческого труда и подвига религиозного и культурного самоопределения и самопостижения, очищения и покаяния...»⁴¹.

Евразийский проект преодоления «безбожного государства»

Необходимо отметить, что для евразийцев романо-католическая европейская цивилизация представляла западную периферию Евразии. Второй периферией являлся более обширный и разнообразный азиатский мир, к которому евразийцы испытывали симпатии. При этом она вызывалась не только туранским фактором, к которому постоянно апеллировали основные авторы евразийского движения, но их особым интересом к ряду конкретных регионов Востока. Так Н.С. Трубецкой опубликовал ряд статей, посвященных индийской философии и различным аспектам жизни народов Индии.

³⁹ Бромберг Я. Евреи и Евразия. М., 2002. С. 75.

⁴⁰ Там же. С. 156–157.

⁴¹ Там же. С. 187.

Роль Церкви в такой системе координат была отражена и во взглядах Г.В. Флоровского. Церковь, по Флоровскому, является некой высшей идеей, которая гармонизирует общество, европейская же периферия видится ему как некий прошедший этап истории христианства, который закончился тупиком. Поэтому, с его точки зрения, подражание Европе было бесперспективным, хотя Россия-Евразия через воссоздание подлинно аутентичной культуры, включающей и вопросы взаимоотношения церкви и государства, могла подать пример Европе.

Показательно, что в современной Европе, несмотря на то что ряд государств поддерживает церковь, уменьшается число последователей христианства. Например, по данным информационного агентства Ватикана Fides, в 2016 г. количество католиков в Европе сократилось на 57 тыс. человек. И эта тенденция продолжилась в 2017 и 2018 гг.⁴² Согласно статистике Pew Research Center, за исключением стран, которые проводят консервативную политику (Венгрия, Сербия), в большинстве европейских государств наблюдается сокращение численности христиан всех конфессий⁴³. Сегодня каждый пятый европеец (19 %) не считает себя верующим⁴⁴.

При этом в современной России 79 % относят себя к православным⁴⁵. С учетом других традиционных религий (ислам, буддизм, иудаизм, политеизм, шаманизм) это является довольно высоким показателем и указывает как на роль Русской православной церкви в качестве социального института, так и на духовные запросы российского общества, в котором оказались востребованы традиционные духовные ценности.

В этом контексте православная церковь должна была выполнять миссию Катехона, удерживающего мир от пришествия в него антихриста, на чем акцентировали внимание и евразийцы. Однако это было невозможно при советской власти, которая подвергала Церковь гонениям. Отсюда складывалась парадоксальная ситуация – Москва – Третий Рим стала собственным антиподом. Поэтому евразийцев надеялись на скорейшее падение советского режима в России и возвращение православной церкви ее статуса, роли и значения.

Необходимо отметить, что представители духовенства в эмиграции проявляли постоянный интерес к деятельности евразийцев. Особо следует отметить таких иерархов, как митрополит Евлогий (Георгиевский), митрополит Платон и митрополит Антоний (Храповицкий), которых привлекала охранительная и антикоммунистическая позиция евразийцев. Примечателен и евразийский призыв к

⁴² Vatican – World Mission Day. Catholic Church Statistics 2016 // Agezia Fides [website]. URL: http://www.fides.org/en/news/61026-vatican_world_mission_day_catholic_church_statistics_2016 (дата обращения: 12.12.2019).

⁴³ Eastern and Western Europeans Differ on Importance of Religion, Views of Minorities, and Key Social Issues // Pew Research Center [сайт]. URL: <https://www.pewforum.org/2018/10/29/eastern-and-western-europeans-differ-on-importance-of-religion-views-of-minorities-and-key-social-issues/> (дата обращения: 29.10.2018).

⁴⁴ Православные, католики и протестанты в Европе // Sputnik Латвия [сайт]. URL: <https://lv.sputniknews.ru/infographics/20190211/10902156/Pravoslavnye-katoliki-i-protestanty-v-Evrope.html> (дата обращения: 10.12.2019).

⁴⁵ «Индекс веры»: сколько на самом деле в России православных // РИА Новости [сайт]. URL: <https://ria.ru/20170823/1500891796.html> (дата обращения 24.11.2019).

сближению со старообрядцами, свидетельствующий о том, что они хорошо понимали смысл противоборства течений внутри православия, указывая на важность воссоздания утраченных массами культурных кодов, которые еще сохранялись в старообрядческой среде.

Можно предположить, что после распада СССР этим чаяниям евразийцев частично удалось реализоваться, а с созданием Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на постсоветском пространстве идеи классического евразийства в различных интерпретациях стали вновь востребованными в научных и экспертных кругах, среди политиков и лиц, принимающих решения. Однако представляется, что духовно-эстетическое измерение евразийства с учетом его метаполитической направленности так и не смогло проявить себя в полной мере.

Выводы

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что воззрения евразийцев на государство и церковь носили системный и теоретический характер. В идеях евразийцев прослеживаются определенные мотивы византизма, а именно симфонии властей, хотя о практических аспектах такого разделения и сочетания в их трудах не говорится. Евразийцы расценивали будущее России и роль Церкви в государстве с консервативных и в какой-то мере идеалистических позиций. Вероятно, эти аспекты наряду с другими, такими как культурный релятивизм, критика западных философских и политических школ, а также неприемлемость расового и национального превосходства, являются теми маркерами евразийской идеологии, которые до сих пор привлекают внимание не только исследователей, но и практиков.

Повышенный интерес евразийства к православию и духовным традициям в целом, акцентирование важности роли церкви в делах общества и государства также отражают современную тенденцию политической поляризации консервативно-религиозного мировоззрения, с одной стороны, и глобального секуляристского проекта, с другой. Провокации, направленные против Русской православной церкви, особенно явные со стороны Украины, с учетом причин государственного переворота в этой стране 2014 г., одновременно являются реакцией против духовного измерения евразийства.

Поскольку ЕАЭС официально позиционировался как прагматический и экономический проект, изначально в нем не были представлены культурные и религиозные элементы. Они, скорее, подразумевались, исходя из общего исторического наследия. Однако, так или иначе, гуманитарная составляющая в широком смысле будет давать о себе знать во взаимоотношениях между членами ЕАЭС, например, в качестве элемента «мягкой силы». По мнению автора, переосмысление наследия классического евразийства с поправкой на современные политические реалии и текущие процессы отвечает интересам всех участников ЕАЭС и может быть использовано для адаптации различных политических решений и экономических инициатив.

Рукопись поступила: 31 августа 2019 г.

Submitted: 31 August 2019

Библиографический список

- Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 635 с.
- Бромберг Я.* Евреи и Евразия. М.: Аграф, 2002. 319 с.
- Гавриш М.А.* Политическая трансформация современного российского евразийства. Ростов-на-Дону: РЮИ, 2003. 24 с.
- Гаджиев К.С.* Введение в геополитику. М.: Логос, 2000. 257 с.
- Глушкова С.И.* Правовой идеал Н.Н. Алексеева // *София: Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии*, 2001. № 2–3. С. 50–75.
- Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. М.: АСТ, 2007. 528 с.
- Гумилев Л.Н.* Евразия. М.: Рипол Классик, 2018. 1248 с.
- Данилов С.И.* Социальная философия евразийства: истоки, сущность, современное состояние. М.: Российский государственный социальный институт, 1994. 153 с.
- Дугин А.Г.* Евразийский путь как национальная идея. М.: Арктогея-Центр, 2002. 140 с.
- Дугин А.Г.* Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М.: Pubmixcom, 2002. 288 с.
- Дугин А.Г.* Проект «Евразия». М.: Эксмо, 2004. 512 с.
- Дугин А.Г.* Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014. 254 с.
- Ермишина К.Б.* Н.С. Трубецкой и его роль в евразийском движении // *Н.С. Трубецкой. Письма к П.П. Сувчинскому 1921–1928*. М.: Русский путь, Русское зарубежье, 2008. С. 7–12.
- Каррер д'Анкосс Э.* Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: РОССПЭН, 2010. 431 с.
- Курьлев К.П., Станис Д.В., Баранник М.А., Закарян С.Б.* Евразийская идеология во внешней политике современной России // *Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки*. 2019. № 4. С. 151–165.
- Курьлев К.П., Базавлук С.В., Савин Л.В., Юртаев В.И.* Евразия и евразийство в XXI веке: безопасность, идентичность и культура альянсов // *Информационные войны*. 2019. № 3. С. 47–51.
- Ларюэль М.* Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М.: Наталис, 2004. 287 с.
- Парвулеско Ж.* Путин и Евразийская империя. М.: Амфора, 2006. 448 с.
- Повилайтис В.* Неизвестные статьи Л.П. Карсавина // *Исследования по истории русской мысли: ежегодник*. 2003. № 6. С. 160–169.
- Половинкин С.М.* Евразийство и русская эмиграция // *Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык*. М.: Прогресс, 1995. С. 731–762.
- Савицкий П.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 461 с.
- Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства. Статьи и письма. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2018. 680 с.
- Самохин А.В.* Евразийство как идейно-политическое течение в России XX века. М.: МГОУ, 2004. 170 с.
- Сачко Г.* Евразийство и концепция внешней политики современной России // *Вестник Челябинского университета*. 2003. Т. 10. № 1. С. 46–55.
- Серио П.* Структура и целостность. М.: Языки славянской культуры, 2001. 363 с.
- Соболев А.В.* Евразийство в контексте почвеннической традиции // *Вестник РГХА*. 2007. № 1. С. 130–142.
- Сувчинский П.П.* Сила слабых // *Исход к Востоку: предчувствия и свершения*. София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921. С. 5–12.
- Томсинов В.А.* Правовая мысль русской послереволюционной эмиграции: «Евразийская» теория государства и права Н.Н. Алексеева // *Журнал «Законодательство»*. 2002. № 3. С. 84–88.
- Трубецкой Н.С.* Письма к П.П. Сувчинскому 1921–1928. М.: Русский путь, Русское зарубежье, 2008. 390 с.
- Флоровский Г.* Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. 431 с.

- Федоров А.И. Истоки евразийской идеологии в русском славянофильстве // Вестник Тамбовского Университета. 2010. № 7. С. 158–160.
- Хоружий С.С. Жизнь и учение Л.П. Карсавина // Л.П. Карсавин. Религиозно-философские сочинения. М.: Ренессанс, 1992. С. 30–55.
- Laruelle M. Moscow's China dilemma: evolving perceptions of Russian security in Eurasia and Asia // Eurasia's Ascent in Energy and Geopolitics. Rivalry or partnership for China, Russia, and Central Asia? London.: Routledge, 2012. P. 76–91.
- Laruelle M. The European Union // A Reconnecting Eurasia. Center for Strategic and International Studies. London: Foreign Economic and Security Interests, 2016. P. 10–15.
- Rey M.-P. La Russie face à l'Europe. Paris: Flammarion, 2016. 508 p.
- Tsygankov A. Mastering space in Eurasia: Russian geopolitical thinking after the Soviet break-up (Review essay) // Communist and Post-communist Studies. 2003. Vol. 35. № 1. P. 45–55.
- Wakim J. Eurasia Vs the West. The Struggle for Hegemony in the Middle East. Beirut: Isticharia, 2018. 399 p.
- Walberg E. Postmodern Imperialism. Geopolitics and the Great Games. Atlanta.: Clarity Press, 2011. 300 p.

References

- Alekseyev, N.N. *Russkiy narod i gosudarstvo*. Moscow: Agraf Publ., 1998 (in Russian).
- Bromberg, Ya. *Yevrei i Yevraziya*. Moscow: Agraf Publ., 2002 (in Russian).
- Danilov, S.I. *Sotsial'naya filozofiya yevraziystva: istoki, sushchnost', sovremennoye sostoyaniye*. Moscow: Russian State Social Institute Publ., 1994 (in Russian).
- Dugin, A.G. *Yevraziyskiy put' kak natsional'naya ideya*. Moscow: Arktogeya-Tsentr Publ., 2002 (in Russian).
- Dugin, A.G. *Yevraziyskaya missiya Nursultana Nazarbayeva*. Moscow: Pubmixcom Publ., 2002 (in Russian).
- Dugin, A.G. *Proyekt «Yevraziya»*. Moscow: EKSMO Publ., 2004 (in Russian).
- Dugin, A.G. *Yevraziyskiy revansh Rossii*. Moscow: Algoritm Publ., 2014 (in Russian).
- Florovskiy, G. *Iz proshlogo russkoy mysli*. Moscow: Agraf Publ., 1998 (in Russian).
- Fedorov, A.I. “The origins of Eurasian ideology in Russian Slavophilism.” *Tambov University Review*, no. 7 (2010): 158–160 (in Russian).
- Gavrish, M.A. *Politicheskaya transformatsiya sovremennogo rossiyskogo yevraziystva*. Rostov-na-Donu: RYUI Publ., 2003 (in Russian).
- Gadzhiev, K.S. *Vvedeniye v geopolitiku*. Moscow: Logos Publ., 2000 (in Russian).
- Glushkova, S.I. “The legal ideal of N.N. Alekseev.” *Sofia: Journal of the Society of Adherents of Russian Philosophy*, no. 2–3 (2001): 50–75 (in Russian).
- Gumilev, L.N. *Ritmy Yevrazii*. Moscow: AST Publ., 2007 (in Russian).
- Gumilev, L.N. *Yevraziya*. Moscow: Ripol Klassik Publ., 2018 (in Russian).
- Karrer d'Ankoss, E. *Yevraziyskaya imperiya. Istoriya Rossiyskoy imperii s 1552 g. do nashikh dney*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010 (in Russian).
- Khoruzhiy, S.S. “Zhizn' i ucheniye L.P. Karsavina.” In L.P. Karsavin. *Religiozno-filosofskie sochineniya*, 30–55. Moscow: Renessans Publ., 1992 (in Russian).
- Kurylev, K.P., Bazavluk, S.V., Savin, L.V., and Yurtayev, V.I. “Eurasia and Eurasianism in the XII Century: Security, Identity and Culture of Alliances.” *Information Wars*, no. 3 (2019): 47–51 (in Russian).
- Kurylev, K.P., Stanis, D.V., Barannik, M.A., and Zakaryan, S.B. “Eurasian ideology in the foreign policy of modern Russia.” *Bulletin MRSU. History and Political Sciences*, no. 4 (2019): 151–165 (in Russian).
- Laryuel', M. *Ideologiya russkogo yevraziystva ili Mysli o velichii imperii*. Moscow: Natalis Publ., 2004 (in Russian).

- Laruelle, M. "Moscow's China dilemma: evolving perceptions of Russian security in Eurasia and Asia." In *Eurasia's Ascent in Energy and Geopolitics. Rivalry or partnership for China, Russia, and Central Asia?*, 76–91. London: Routledge, 2012.
- Laruelle, M. "The European Union." In *A Reconnecting Eurasia. Center for Strategic and International Studies*, 10–15. London: Foreign Economic and Security Interests, 2016.
- Parvulesko, Zh. *Putin i Yevraziyskaya imperiya*. Moscow: Amfora Publ., 2006 (in Russian).
- Povilaytis, V. "Unknown articles of L.P. Karsavin." *Studies in Russian Intellectual History*, no. 6 (2003): 160–169 (in Russian).
- Polovinkin, S.M. "Yevraziystvo i russkaya emigratsiya." In N.S. Trubetskoy. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk*, 731–762. Moscow: Progress Publ., 1995 (in Russian).
- Rey, M.-P. *La Russie face à l'Europe*. Paris: Flammarion Publ., 2016 (in French).
- Savitskiy, P. *Kontinent Yevraziya*. Moscow: Agraf Publ., 1997 (in Russian).
- Savitskiy, P.N. *Nauchnyye zadachi yevraziystva. Stat'i i pis'ma*. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna Publ., 2018 (in Russian).
- Samokhin, A.V. *Yevraziystvo kak ideyno-politicheskoye techeniye v Rossii XX veka*. Moscow: MGOU Publ., 2004 (in Russian).
- Sachko, G. "Eurasianism and the concept of foreign policy of modern Russia." *Bulletin of Chelyabinsk State University* 10, no. 1 (2003): 46–55 (in Russian).
- Serio, P. *Struktura i tselostnost'*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001 (in Russian).
- Sobolev, A.V. "Eurasianism in the context of the soil tradition." *Herald of the Russian Christian Academy for Humanities*, no. 1 (2007): 130–142 (in Russian).
- Suvchinskiy, P.P. "Sila slabykh." In *Iskhod k Vostoku: predchuvstviya i sversheniya*, 5–12. Sofiya: Rossiysko-Bolgarskoye knigoizdatel'stvo Publ., 1921 (in Russian).
- Tomsinov, V.A. "Legal Thought of Russian Post-Revolutionary Emigration: 'Eurasian' Theory of State and Law N.N. Alekseeva." *Journal of Legislation*, no. 3 (2002): 84–88 (in Russian).
- Trubetskoy, N.S. *Pis'ma k P.P. Suvchinskoyu 1921–1928*. Moscow: Russkiy put' Publ.; Russkoye zarubezh'ye Publ., 2008 (in Russian).
- Tsygankov, A. "Mastering space in Eurasia: Russian geopolitical thinking after the Soviet break-up (Review essay)." *Communist and Post-communist Studies* 35, no. 1 (2003): 45–55.
- Wakim, J. *Eurasia Vs the West. The Struggle for Hegemony in the Middle East*. Beirut: Isticharia, 2018.
- Walberg, E. *Postmodern Imperialism. Geopolitics and the Great Games*. Atlanta.: Clarity Press, 2011.
- Yermishina, K.B. "N.S. Trubetskoy i yego rol' v yevraziyskom dvizhenii." In N.S. Trubetskoy. *Pis'ma k P.P. Suvchinskoyu 1921–1928*, 7–12. Moscow: Russkiy put' Publ.; Russkoye zarubezh'ye Publ., 2008 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Базавлук Сергей Викторович, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, проректор по работе со студентами Российского университета дружбы народов.

Sergey V. Bazavluk, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of International Relations, Vice Rector for Student Affairs, RUDN University.